

Максим Козлов

Комитет сожалений

18+

Максим Козлов
Комитет сожалений

«Автор»

2026

Козлов М.

Комитет сожалений / М. Козлов — «Автор», 2026

В мире, где машина времени способна лишь показывать прошлое, не позволяя вмешиваться, существует «Комитет сожалений». Люди платят огромные деньги, чтобы увидеть моменты, мучившие их годами: «А что он сказал тогда?», «Почему она ушла?», «Виноват ли я?». Главный герой — оператор Артур Коул, человек, который десятилетиями проводит сеансы наблюдения, становясь безмолвным свидетелем чужих трагедий, предательств и смертей. Когда анонимный заказ приводит к самоубийству клиентки, узнавшей страшную правду о собственном бездействии, разражается скандал. Артур вынужден защищать не только Комитет, но и саму идею о праве человека на истину, какой бы разрушительной она ни была. Это суровая моральная драма о границе между действием и бездействием, цене прощения и невозможности изменить прошлое.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вес тишины	5
Темные комнаты	10
Суббота, полдень	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Максим Козлов

Комитет сожалений

Вес тишины

Комната была белая, как кость, и такая же тихая. Стены не гудели, пол не дрожал, воздух не пах ни озоном, ни пылью, ничем. Только белизной и тишиной, которая давила на уши, пока не начинало казаться, что слышишь собственный пульс. Артур знал этот звук. Он слышал его каждое утро, когда входил в операторскую. Пульс был медленным, ровным, как метроном, отсчитывающий время до старта. Чужое время. Всегда чужое.

Он положил руки на панель. Металл был холодным, как хирургический инструмент. Кнопки — матовые, черные, без надписей. Никаких лампочек, никаких рычагов. Только гладкая поверхность и узкая прорезь для идентификационной карты. Артур достал свою — белую, без имени, только с номером — и вставил в щель. Машина проснулась беззвучно, просто в воздухе появилось легкое мерцание, как над асфальтом в жаркий день. Экран перед ним оставался серым, нейтральным, ждущим.

За спиной открылась дверь. Артур не обернулся. Он знал, кто это, по шагам — быстрым, нервным, сбивающимся с ритма. Так ходят люди, которые заплатили слишком много за то, что, возможно, их убьет.

— Мистер Коул? — голос был женским, высоким, но с хрипотцой, как будто его обладательница много курила или плакала.

— Проходите, — сказал Артур, не оборачиваясь. — Садитесь в кресло.

Кресло было единственным предметом в комнате, кроме панели управления, — тяжелое, кожаное, с подголовником и подставками для рук, похожее на зубоврачебное. Артур иногда думал, что сходство не случайно. Люди приходили сюда, чтобы вырвать боль, а боль, как гнилой зуб, держится крепко.

Женщина села. Артур повернулся. Ей было около сорока, может, чуть больше. Темные волосы собраны в тугий пучок, лицо бледное, с резкими чертами — нос острый, скулы высокие. Глаза серые, глубоко посаженные, и в них стояло то выражение, которое Артур научился распознавать за годы работы: человек уже там. Еще не подключен к машине, еще сидит в этом кресле, в этой комнате, но мысленно уже скользит по коридорам собственного прошлого, открывает двери, за которыми притаилось то, что он хочет увидеть.

— Имя? — спросил Артур.

— Маргарет Холт.

— Дату вы знаете. Место тоже.

— Да.

— Заказ оформлен на просмотр события с ограниченной глубиной резкости. Объект в фокусе — мужчина, тридцать два года. Коррекция по идентификатору «Альфа-семь». Верно?

— Верно.

Артур кивнул и снова повернулся к панели. Он ввел параметры — дату, координаты, глубину. Машина тихо гудела, переваривая информацию. Маргарет Холт смотрела в серый экран так, будто на нем уже разворачивалась сцена, которую она ждала двадцать лет.

— Правила вам известны, — сказал Артур, не спрашивая, а утверждая. — Вы не можете вмешиваться. Вы не можете говорить с теми, кого видите. Вы не можете прикасаться к предметам. Вы — точка наблюдения, и ничего больше. Машина не позволит вам нарушить протокол. Любая попытка — и сеанс будет прерван. Деньги не возвращаются.

— Я понимаю.

— Вы также понимаете, что увиденное может не совпадать с вашими воспоминаниями. Человеческая память — плохой архив. Она редактирует, стирает, приукрашивает. То, что вы увидите, — объективная реальность. Она может быть хуже, чем вы помните. Или лучше. Но она будет правдой. Той правдой, которую вы не сможете забыть.

Женщина молчала. Ее руки лежали на подлокотниках, пальцы чуть подрагивали, но лицо оставалось спокойным — застывшим, как у человека, который научился не показывать страх.

— Вы готовы? — спросил Артур.

— Да.

Он нажал клавишу. Экран вспыхнул, и по нему поползли строки данных — координаты временного сдвига, стабилизация поля, захват якорной точки. Артур проверил показатели. Все было в норме. Поле держалось ровно, без флуктуаций. Хороший день. Иногда, когда магнитные бури или дождь, поле дрожало, и картинка получалась рваной, как старая киноплёнка. Но сегодня небо было ясным, и машина работала чисто.

— Сейчас вы закроете глаза, — сказал Артур. — Когда откроете, будете там.

Она закрыла глаза. Ресницы дрогнули и замерли. Артур нажал активацию. Тихий щелчок — и воздух в комнате сгустился, стал плотным, как вода. Женщина вздохнула глубоко, грудью, и замерла. Ее сознание ушло.

На экране появилась картинка. Артур увидел комнату — небольшую, залитую желтым электрическим светом. Старомодные обои в мелкий цветочек, книжный шкаф у стены, диван с потертой обивкой, на столике — пепельница, полная окурков. Дешевые сигареты, подумал Артур. По запаху он не мог определить — запаха машина не передавала, — но он знал такие пепельницы. Видел их сотни раз. Люди прошлого много курили. Они вообще много делали такого, что теперь казалось странным.

В комнате были двое. Мужчина сидел на диване, облокотившись на спинку, и курил. Ему было лет тридцать, как и указано в заказе, — светлые волосы, широкие плечи, лицо, которое можно было бы назвать красивым, если бы не выражение: смесь скуки и скрытого раздражения. Он стряхивал пепел мимо пепельницы, на ковер, и каждый раз чуть улыбался, будто это была маленькая месть ковра, или женщине, которая этот ковер выбирала.

Женщина стояла у окна, спиной к нему. Маргарет Холт двадцатилетней давности. Артур видел ее лицо: напряженное, с плотно сжатыми губами и глазами, которые не умели плакать, но уже разучились смеяться. Летнее платье в горошек, волосы распущены — тонкие, мышинового цвета. Она смотрела в окно на улицу, где смеркалось и зажигались фонари.

— Ты опять, — сказала она. Голос был тихим, но в нем уже звенела та струна, которая предвещает ссору.

— Что опять? — мужчина затаился и выпустил дым кольцами.

— Ты знаешь что.

— Не знаю.

— Ты обещал, что сегодня будешь дома. Что мы пойдем к моей матери вместе. Я ее не видела полгода, она болеет, ты знаешь.

— Твоя мать болеет последние десять лет, — сказал он ровно. — Это не болезнь, это характер.

Женщина резко обернулась. В глазах блеснуло что-то острое, беспомощное.

— Ты был с ней?

— С кем?

— Не притворяйся. Я знаю. Мне сказали.

Мужчина вздохнул, затушил сигарету и встал. Он был высоким, на голову выше ее. Подошел к окну, встал рядом, но не коснулся.

— Кто сказал?

— Неважно.

— Мне важно. Кто из твоих друзей решил, что имеет право лезть в мою жизнь?

— В нашу жизнь, — поправила она. — Это наша жизнь, Дэвид. Или уже нет?

Артур смотрел на экран. Теперь женщина в кресле — настоящая Маргарет, не та, из прошлого — дышала чаще. Датчики показывали учащение пульса, легкий всплеск кортизола. Она видела это. Видела себя и его, видела комнату, в которой, вероятно, не была с тех самых пор, и каждое слово было ее, как пуля — с запозданием, потому что тогда она не знала, чем все кончится, а теперь знала.

— Ты слишком драматизируешь, — сказал Дэвид. Он смотрел в окно, мимо ее отражения. — У меня были дела. Я встречался с партнером. Если тебе кто-то что-то нашептал, это их проблемы, не мои.

— Ты врешь.

— Проверь мой телефон. Хочешь? Проверь карманы. Проверь все, что хочешь. Ты все равно не поверишь, что бы я ни сказал.

Маргарет из прошлого молчала. В ее позе — ссутуленные плечи, опущенные руки, голова чуть набок — была та особая усталость, которая приходит не после работы, а после лет, прожитых не с тем человеком. Артур видел это часто. Люди жили годами, не замечая, как между ними вырастает стена, а потом удивлялись, что не могут докричаться.

— Я больше так не могу, — сказала она наконец. — Я ухожу.

— Куда? — спросил он без интереса.

— К матери. Поживу у нее. Мне нужно подумать.

— Думай сколько хочешь. — Он пожал плечами и отошел к столу, где лежали ключи от машины. — Мне нужно отъехать. Вернусь поздно.

— Ты даже не попытаешься меня остановить?

— А ты хочешь, чтобы я тебя останавливал? — он обернулся в дверях и посмотрел на нее долгим, холодным взглядом. — Ты взрослая женщина, Маргарет. Если хочешь уйти — уходи. Я не держу.

Артур услышал, как женщина в кресле издала короткий, сдавленный вздох. На экране хлопнула входная дверь. Маргарет из прошлого осталась одна. Она стояла посреди комнаты, глядя на закрытую дверь, на рассыпанный по ковру пепел, на смятую подушку дивана, и лицо ее медленно, очень медленно, как маска, которую снимают по миллиметру, начало трескаться. Первая слеза скатилась по щеке. За ней вторая. Она не вытирала их, просто стояла и плакала беззвучно, как плачут те, кто давно разучился жалеть себя вслух.

Потом она прошла в спальню, открыла шкаф и достала чемодан. Старый, коричневый, с потертыми углами. Начала складывать вещи — аккуратно, методично, как будто этот порядок был последним, что она могла контролировать. Белье, платья, косметичка. В спальне, на тумбочке, стояла фотография — маленькая, в деревянной рамке. Снимок мальчика лет пяти. Маргарет взяла ее, долго смотрела, потом прижала к груди и убрала в чемодан, завернув в свитер.

Артур знал, что будет дальше. В заказе была пометка: «Основное событие не является целью сеанса. Клиент предупрежден, что событие будет находиться в периферийной зоне наблюдения». Это означало, что Маргарет заказала просмотр момента ссоры, но машина покажет и все, что происходило в радиусе ста метров. А происходило вот что.

Мальчик. Тот самый, с фотографии. Он был в соседней комнате — маленькой, с игрушками на полу и незастеленной кроватью. Он сидел на подоконнике у открытого окна и смотрел вниз. Пятый этаж. Балкона в квартире не было, только широкие подоконники и низкие окна старой постройки. Мальчик был босой, в пижаме с мишками. Он держал в руках бумажный самолетик и целился им в небо. Наверное, хотел запустить так, чтобы долетел до звезд. Дети всегда так думают.

Маргарет из прошлого собирала чемодан и не слышала, как мальчик открыл окно. Она не слышала, как он засмеялся чему-то своему, как встал на цыпочки, чтобы бросить самолетик повыше. Не слышала, как скрипнул старый деревянный карниз.

Артур смотрел на экран. Он знал, что последует дальше. Знал с самого начала, как только увидел пометку в заказе. Такие вещи он вычислял мгновенно — за годы работы он научился читать заказы, как врач читает анализы. «Периферийное событие с участием несовершеннолетнего», «потенциально травматический контент», «клиент подписал освобождение от ответственности». Бюрократические формулы, за которыми всегда стояло одно: чья-то смерть.

Мальчик качнулся вперед. Самолетик выпорхнул из его руки и полетел — красиво, плавно, как настоящий. Мальчик потянулся за ним, потерял равновесие, и его тело скользнуло вниз, в темноту, исчезло из кадра так быстро, что камера не успела сфокусироваться. Тишина. Долгая, пустая тишина. Секунда. Две. Пять.

Потом крик. Женский крик, страшный, животный. Маргарет выбежала в коридор, за ней — хлопанье дверей, топот соседей, чей-то голос: «Скорую! Звоните в скорую!» Лица смазаны, движения судорожные. Маргарет бежит вниз по лестнице, падает, поднимается, бежит снова. Босая, в том самом платье в горошек, с растрепанными волосами. Ее лицо — белая маска ужаса.

Артур нажал остановку. Экран замер. Женщина в кресле открыла глаза. Она была бледна как полотно, но не плакала. Просто сидела и смотрела перед собой в серую пустоту остановленного кадра. Ее руки вцепились в подлокотники так, что побелели костяшки.

— Достаточно? — спросил Артур.

— Нет. — Голос был хриплым, сухим. — Я хочу увидеть еще раз.

— Это стандартный сеанс. Повторный просмотр оплачивается отдельно.

— Я знаю. У меня есть средства. Включите.

Артур помедлил. Инструкция предписывала выполнять требования клиента в рамках оплаченного времени. Но инструкция не говорила, что он должен чувствовать, когда человек просит снова и снова смотреть на то, как умирает его ребенок. Он включил. Экран ожил.

На этот раз он смотрел внимательнее. Не на мальчика — на мать. На то, как она собирала чемодан. На ее лицо, когда раздался шум из соседней комнаты. Она слышала. Она определенно слышала — мальчик что-то сказал, кажется, позвал ее: «Мама, смотри, самолетик!» — но она не обернулась. Она продолжала складывать свитер, очень аккуратно, уголок к уголку. Потом был скрип карниза, глухой стук, тишина. И только потом — ее крик.

Когда сеанс закончился и женщина ушла — прямая, как струна, с сухими глазами и чеком на повторный сеанс в кармане, — Артур остался один. Он выключил машину, и комната снова стала белой и тихой. Пылинки висели в воздухе неподвижно. За окном операторской не было ничего — ни улицы, ни деревьев, только матовое стекло, за которым угадывался серый свет. Комитет не любил окон. Окна отвлекают, говорил начальник. Оператор должен быть сосредоточен на прошлом, а не на настоящем.

Артур сел в кресло — не то, для клиентов, а свое, старое, продавленное, которое он притащил сюда из дома десять лет назад. Достал термос, налил кофе в жестяную кружку. Кофе был горьким, но горячим. Он пил его медленно, чувствуя, как по телу разливается тепло.

Перед ним на столе лежала стопка бланков — отчеты о сеансах. Он взял верхний. «Клиент: Маргарет Холт. Дата сеанса: 14 октября. Просмотренный период: 19:42-20:17, 17 июля. Содержание: бытовой конфликт. Периферийное событие: несчастный случай с летальным исходом». Дальше шли графы: «Эмоциональное состояние клиента во время сеанса» — он написал «критическое»; «Рекомендации» — «рекомендовано психологическое сопровождение»; «Примечания оператора» — «клиент запросил повторный сеанс».

Он дописал еще одну строку, которую не требовала никакая форма, просто потому, что ему нужно было где-то оставить эту мысль: «Она слышала его, но не обернулась».

Потом он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. За десять лет он видел столько чужого прошлого, что иногда ему казалось, что его собственное состоит из обрывков чужих воспоминаний, как одеяло, сшитое из лоскутов. Ссоры, измены, расставания, первые поцелуи, последние слова, смерти. Много смертей. Комитет не занимался аттракционами — никто не платил огромные деньги, чтобы посмотреть на день своего рождения или свадьбу. Люди платили за боль. За то, чтобы увидеть момент, который сломал их жизнь, и понять, можно ли было что-то исправить.

Ответ был всегда один и тот же. Нельзя.

Артур открыл глаза и посмотрел на часы. Пятнадцать сорок три. Через семнадцать минут должен прийти следующий клиент. Мужчина, сорок пять лет, заказ на просмотр разговора с умирающим отцом. Хочет узнать, простил ли его отец перед смертью или ушел, проклиная сына. Классика. Артур сделал еще глоток кофе и принялся заполнять следующий бланк.

Он помнил свой первый сеанс. Тогда он еще верил, что делает что-то важное. Что правда — это лекарство. Что люди имеют право знать. Он сидел за этой же панелью, молодой, с горящими глазами, и вел в прошлое пожилую женщину, которая хотела увидеть своего мужа, погибшего на войне сорок лет назад. Она не искала виноватых, не хотела ничего доказывать — просто хотела увидеть его живым еще раз. Он помнил, как она плакала, когда сеанс закончился, и говорила: «Спасибо. Теперь я знаю, что он улыбался, когда уходил».

Тогда это казалось чудом. Теперь Артур знал, что чудес не бывает. Бывает только разная степень отчаяния. И те, кто улыбается после сеанса, — редкое исключение. Остальные уходят с пустыми лицами, унося в себе правду, которая не лечит, а жжет.

В дверь постучали. Условный стук — три коротких, пауза, еще один. Артур встал, одернул халат, поставил кружку на стол.

— Войдите, — сказал он.

Дверь открылась, и вошел мужчина. Высокий, худой, с залысинами и усталыми глазами. Костюм дорогой, но мятый. Он мял в руках шляпу — старомодную, фетровую, каких Артур не видел уже много лет. Наверное, наследство от отца.

— Мистер Коул? — спросил мужчина.

— Проходите. Садитесь в кресло.

— Меня зовут...

— Не нужно, — прервал его Артур. — Ваше имя есть в заказе. Я знаю, зачем вы здесь. Давайте начнем.

Мужчина кивнул и сел. Его руки дрожали, когда он клал шляпу на колени. Артур вставил карту, ввел параметры. Новый сеанс. Новое прошлое. Новая боль.

Он нажал клавишу, и машина проснулась.

Темные комнаты

Артур жил в квартире, которая была слишком велика для одного человека. Три комнаты, кухня, длинный коридор с книжными полками, где книги стояли плотными рядами, как солдаты, которых давно не вызывали в бой. Он купил эту квартиру десять лет назад, когда только устроился в Комитет и думал, что жизнь обретает форму. Тогда ему казалось, что большие комнаты и высокие потолки — это пространство для будущего. Для семьи, для гостей, для воскресных обедов и детского смеха. Теперь он знал, что пространство не заполняется само. Оно только напоминает о пустоте.

Он вернулся домой поздно, как всегда по средам. Среда была тяжелым днем — четыре сеанса подряд, и каждый требовал больше, чем просто технической работы. Требовал присутствия. Того, что начальник называл «эмоциональным сопровождением», а сам Артур — «нести чужую боль, пока клиент смотрит кино». Он снял ботинки у двери, поставил их ровно, носками к стене, и прошел на кухню.

Кухня была самой маленькой комнатой в квартире, но именно здесь он проводил большую часть времени. Узкое помещение с окном во двор-колодец, куда солнце заглядывало только утром, и то на час. Газовая плита старого образца, которую он никогда не менял, потому что она работала, а менять то, что работает, — это суета. Холодильник гудел ровно и низко. На столе — чистая скатерть в синюю клетку, соль в стеклянной солонке, перечница в виде деревянного гриба, которую он купил на блошином рынке много лет назад, когда еще находил в таких вещах очарование.

Артур поставил чайник. Вода зашумела, набирая тепло, и этот звук был единственным живым звуком в квартире, если не считать его собственного дыхания. Он оперся о край стола и стал смотреть в темное окно, где отражалось его лицо — бледное, с резкими тенями под глазами, с глубокими складками у рта. Ему было сорок семь, но выглядел он старше. Люди в Комитете старели быстро. Работа с прошлым съедала настоящее, как кислота.

Чайник закипел. Артур заварил чай — черный, крепкий, без сахара, — сел за стол и достал из внутреннего кармана блокнот. Маленький, в кожаном переплете, с пожелтевшими страницами. Он вел его уже много лет, с самого первого сеанса, записывал туда то, что видел. Не отчеты — для отчетов были бланки. Скорее, разговоры с самим собой. Мысли, которые нельзя было сказать вслух.

Он открыл чистую страницу и написал: «Маргарет Холт. Сеанс первый. 14 октября. Ссора из-за измены. Мальчик. Пятый этаж. Она слышала и не обернулась. Что такое вина — действие или его отсутствие?»

Часы на стене — старые, с маятником, доставшиеся от деда — пробили одиннадцать. Артур закрыл блокнот и откинулся на спинку стула. Он не любил эту квартиру по ночам. Днем еще можно было притвориться, что тишина — это покой, но ночью она становилась густой, вязкой, как кисель, в котором вязнут мысли. Он часто думал, что квартира помнит всех, кто мог бы здесь жить, но не живет, и мстит ему за это тишиной.

Завтра была пятница. В пятницу у него было два сеанса — утренний и дневной. Один из них — новый клиент, заказ принят только вчера, что случалось редко: обычно Комитет рассматривал заявки неделями. Этот был с пометкой «срочно», и Артура это насторожило. Срочные заказы — всегда неприятности. Слишком много эмоций, слишком мало времени на подготовку, слишком высокая плата, а значит — слишком большая боль.

Он лег спать, не раздеваясь, просто снял рубашку и бросил на стул. Сон пришел не сразу. Перед глазами стояла Маргарет Холт — та, из прошлого, — и ее спина, когда она складывала свитер уголок к уголку, не оборачиваясь на голос сына. Артур думал о том, что сказал бы ей,

если бы мог. Но он не мог. Оператор не имеет права говорить с клиентом о содержании сеанса. Он — техник, проводник, зеркало. Зеркало не комментирует отражение.

Утром его разбудил дождь. Он барабанил по жестяному отливу за окном, мелкий и частый, как дробь. Артур встал, умылся холодной водой, посмотрел на себя в зеркало. Лицо было чужим — утреннее лицо человека, который не помнит своих снов, но помнит, что они были тяжелыми. Он побрился медленно, чувствуя, как лезвие скользит по коже, оставляя гладкие полосы. Потом надел чистую рубашку, темные брюки, халат — операторы не носили форму, но белый халат был традицией, которую никто не отменял. Он придавал работе медицинский оттенок, а это успокаивало клиентов. Люди охотнее доверяли тому, что напоминало больницу. В больнице спасают.

До Комитета было двадцать минут пешком. Артур не пользовался транспортом — ходьба помогала думать. Улицы были мокрыми после дождя, лужи блестели в сером утреннем свете. Прохожие спешили по своим делам, кутались в плащи, прятали лица под зонтами. Обычный город, обычные люди, обычная жизнь. Артур шел сквозь них, как сквозь туман, и думал о том, что у каждого из этих людей есть прошлое. У каждого — дверь, которую они хотели бы открыть или, наоборот, запереть навсегда.

Здание Комитета стояло в стороне от главных улиц — серое, пятиэтажное, без вывески. Только номер дома на фасаде и тяжелая дубовая дверь с кодовым замком. Никто из посторонних не знал, что находится внутри. Для соседей это была какая-то контора, может быть, архив, может быть, страховая компания. Комитет не нуждался в рекламе. Клиенты находили его сами — через слухи, через рекомендации, через отчаяние, которое, как вода, всегда находит трещину.

Артур набрал код, вошел, кивнул охраннику — пожилому человеку с лицом отставного военного — и поднялся на третий этаж. Коридор был длинным и пустым, с линолеумом, потертым до серой основы. Лампы дневного света гудели. Из-за закрытых дверей не доносилось ни звука — операторские были звукоизолированы. Артур подошел к своей двери — номер семь, без таблички, — открыл и вошел.

В операторской было холодно. Кондиционер работал на полную мощность, как всегда по утрам. Машина тихо гудела в режиме ожидания, экран был серым. Артур включил свет, проверил показатели — давление поля в норме, калибровка не сбита. Все было готово к работе. Он сел за стол и открыл папку с заказами на сегодня.

Первый — мужчина, шестьдесят лет. Заказ: «Просмотр события: 12 августа, 09:15, перекресток улиц Садовой и Мира. Дорожно-транспортное происшествие с участием клиента и велосипедиста». Артур пробежал глазами анкету. Мужчина сбил подростка на велосипеде двадцать лет назад. Подросток выжил, но остался инвалидом. Мужчина не был виноват формально — ехал на зеленый, велосипедист выскочил на красный. Но двадцать лет он не мог спать. Ему нужно было увидеть еще раз. Убедиться, что он ничего не мог сделать. Или наоборот — понять, что мог.

Второй заказ был новым. Тот самый, с пометкой «срочно». Артур открыл папку и прочитал. Заказчик: не указан. Оплачено анонимно, через третьих лиц. Событие: «Просмотр периода: 3 июня, 16:00-16:30, частный дом по адресу: улица Вязов, 12. Объект в фокусе — девочка, 8 лет. Периферийное событие: падение с лестницы». Артур замер.

Он перечитал еще раз. Девочка восьми лет. Падение с лестницы. Анонимный заказ. Третьи лица. Срочно. Все это складывалось в картину, которая ему не нравилась.

Он отложил папку и подошел к окну. Матовое стекло не позволяло видеть улицу, только серые тени прохожих, размытые, как акварель в воде. Он стоял и думал. За десять лет он видел много странных заказов. Люди хотели увидеть, как их предавали, как их любили, как их бросали. Они хотели знать, что сказал умирающий отец в последнюю минуту, что шептала жена, уходя к другому, куда смотрел сын за секунду до выстрела. Но анонимные заказы были редко-

стью. Люди, которые платили за просмотр чужого прошлого, обычно имели на это право — юридическое, моральное, кровное. Комитет проверял. Комитет был строг.

Но этот заказ прошел проверку. Это означало, что у заказчика есть связь с объектом. Прямая или косвенная — неважно. Важно было то, что кто-то хотел увидеть, как восьмилетняя девочка падает с лестницы, и не хотел, чтобы об этом знали.

Артур вернулся к столу. В дверь постучали — три коротких, пауза, один. Условный стук клиента. Артур закрыл папку с анонимным заказом, убрал ее в ящик и сказал:— Войдите.

Мужчина, который вошел, был крупным, но каким-то усохшим, как будто его тело когда-то было большим и сильным, а потом сжалось под давлением лет и вины. Седая щетина, запавшие глаза, пальцы с вьёвшейся грязью — он работал руками, может быть, механиком или строителем. Одет в чистую, но старую рубашку, воротник застегнут до последней пуговицы, хотя галстука не было.

— Мистер Коул? — голос был низким, с хрипотцой.

— Проходите. Садитесь в кресло.

Мужчина сел. Его большие руки легли на подлокотники, и Артур заметил, что на безымянном пальце левой руки нет фаланги — старый шрам, заросший грубой кожей.

— Правила знаете? — спросил Артур.

— Да. Я читал.

— Хорошо. Напоминаю: вы не можете вмешиваться, не можете говорить с людьми в кадре, не можете прикасаться к ним. Вы — наблюдатель. Точка. Если попытаетесь нарушить протокол, сеанс будет прекращен. Деньги не возвращаются.

— Я понимаю.

Артур ввел параметры. 12 августа, 09:15, перекресток Садовой и Мира. День был солнечный, судя по архивным метеоданным. Хорошая видимость. Сухой асфальт. Никаких помех. Мужчина — тогда ему было сорок, он сидел за рулем старого «Форда» — ехал на работу. Подросток — четырнадцать лет, велосипед «Школьник», наушники в ушах — выехал на перекресток справа, из-за припаркованного грузовика. У мужчины было две десятых секунды. Он нажал на тормоз. Но было поздно.

Артур запустил сеанс. Экран ожил.

Солнце. Яркое, желтое, заливающее перекресток, как масло. Тени короткие, летние. «Форд» мужчины стоял на светофоре, двигатель работал ровно. Мужчина из прошлого — моложе, с темными волосами, в серой футболке — смотрел на светофор и чуть барабанил пальцами по рулю. Зажегся зеленый. Он тронулся плавно, не спеша, как ездят опытные водители. И тут — велосипед. Мальчишка вылетел из-за грузовика, как птица из кустов. Наушники болтались на шее, лицо было беззаботным, даже веселым. Он не смотрел на дорогу — смотрел куда-то в сторону, может быть, на девочку на тротуаре, может быть, на облако в небе. Удар был глухим. Тело взлетело над капотом, перевернулось в воздухе и упало на асфальт. Велосипед отлетел в сторону, колесо крутилось, как сумасшедшее.

Мужчина в кресле издал звук — не стон, не крик, что-то среднее. Артур знал этот звук. Так дышит человек, которому снова сломали кость, давно сросшуюся, но неправильно.

На экране: водитель выскочил из машины, подбежал к мальчику. Тот лежал на боку, нога была вывернута неестественно, из уха текла кровь. Он был жив — губы шевелились, глаза моргали. Вокруг собирались люди. Кто-то кричал: «Скорую вызывайте!» Женщина с сумкой плакала. Мужчина из прошлого стоял на коленях над мальчиком и повторял: «Ты как? Ты как? Ты как? Ты как? Ты как? Ты как?» — как заезженная пластинка.

Артур смотрел на экран, но краем глаза видел лицо настоящего мужчины. Слезы текли по его щекам, и он не вытирал их. Его губы шевелились, но слов не было.

— Достаточно, — сказал Артур. Не спросил — сказал. Он имел право прервать сеанс, если видел, что клиент не справляется.

— Нет, — мужчина мотнул головой. — Еще. Пожалуйста. Я должен увидеть. У него было лицо... Я не помню его лица. Я двадцать лет пытался вспомнить, и не мог. А сейчас... У него было лицо. Артур промолчал. Он увеличил изображение — крупный план лица мальчика. Четырнадцать лет, светлые брови, россыпь веснушек на переносице. В правом ухе — маленькая сережка-гвоздик. Глаза серые, широко открытые, в них — удивление. Только удивление, не боль. Боль придет позже, когда тело поймет, что с ним случилось.

— Он жив, — сказал Артур. — Вы знаете это. Он выжил.

— Выжил, — эхом повторил мужчина. — Но ноги... он больше не ходил. Я узнавал. Через десять лет. Он не ходил. И еще... он стал... у него были проблемы. С головой. Из-за травмы. Он не мог учиться, не мог работать. Жил с матерью. А она... она умерла три года назад. Я узнавал.

Сеанс закончился. Экран погас. Мужчина сидел в кресле неподвижно, его лицо было мокрым, но спокойным, как будто он наконец получил то, за чем пришел.

— Я ничего не мог сделать, — сказал он.

— Вы не могли, — подтвердил Артур.

— Если бы я ехал медленнее...

— Вы ехали со скоростью сорок километров в час при разрешенных шестидесяти. Вы начали тормозить через ноль две десятых секунды после появления объекта. Норма реакции профессионального гонщика — ноль одна десятая. Вы не гонщик. Вы сделали все, что могли.

— Но он...

— Он жив, — повторил Артур. — Это больше, чем могло быть.

Мужчина встал. Его шатало чуть-чуть, но он держался. Достал из кармана платок, вытер лицо, высморкался.

— Спасибо, — сказал он. — Я не знаю, станет ли мне легче. Но теперь я хотя бы знаю его лицо.

Он ушел, притворив за собой дверь. Артур остался один. Он сел за стол, открыл блокнот и записал: «Мужчина, 60 лет, ДТП с велосипедистом. Перекресток Садовой и Мира. Мальчик с сережкой. Вины нет. Легче ли от этого?»

Потом он достал из ящика папку с анонимным заказом и снова открыл ее. Улица Вязов, 12. Частный дом. 3 июня, четыре часа дня. Девочка восьми лет. Падение с лестницы.

Артур знал этот адрес. Не сразу вспомнил, но когда прочитал еще раз, в памяти что-то щелкнуло. Улица Вязов была на окраине города, там стояли старые частные дома, некоторые еще довоенной постройки. В одном из них жила семья, о которой писали газеты лет пятнадцать назад — трагический случай, девочка упала с лестницы, был ли это несчастный случай или что-то другое, следствие не установило. Дело закрыли. Родители развелись. Мать уехала. Или отец уехал. Артур не помнил точно.

Он взял трубку внутреннего телефона и набрал номер архива.

— Архив, — ответил женский голос.

— Это Коул, операторская семья. Мне нужна информация по делу с улицы Вязов, 12. Падение ребенка. Давность — примерно пятнадцать лет.

— Обоснование запроса?

— Заказ на сеанс. Анонимный. Хочу проверить детали.

На том конце провода помолчали.

— Это нестандартный запрос, мистер Коул.

— Я знаю. Но заказ прошел проверку. Я должен знать контекст.

— Хорошо. Я подниму материалы. Будет готово через час.

Артур повесил трубку и посмотрел на часы. До второго сеанса оставалось сорок минут. Сорок минут он мог думать о том, что за человек заплатил деньги, чтобы увидеть, как падает с лестницы восьмилетняя девочка, и почему этот человек не хочет, чтобы его имя знали.

За окном снова пошел дождь. Капли стучали по стеклу, и их звук был похож на дробь барабана перед казнью. Артур сидел в тишине операторской и ждал.

Архив прислал материалы через пятьдесят минут — задержка на десять минут, которую клерк в записке объяснила «техническими сложностями с оцифровкой старых микрофильмов». Папка была коричневой, потертой, с красной полосой по диагонали — гриф «Ограниченный доступ». Артур расписался в журнале, закрыл дверь и сел читать.

Дело 1743-В. Инцидент: падение несовершеннолетней с лестницы в частном доме. Пострадавшая: Анна Соболева, 8 лет. Дата: 3 июня. Время: приблизительно 16:10-16:15. Обстоятельства: девочка находилась дома с матерью, Еленой Соболевой, 34 года, и младшим братом, Павлом Соболевым, 3 года. Отец, Виктор Соболев, 38 лет, находился на работе. Лестница вела на второй этаж, крутая, старая, без перил с левой стороны — ремонт был запланирован на лето. Девочка упала с верхней площадки, получила тяжелую черепно-мозговую травму. Скончалась в больнице через два дня, не приходя в сознание.

Артур перелистнул страницу. Протокол допроса матери. «Я была на кухне, готовила ужин. Павлик играл в гостиной. Аня поднялась наверх, она хотела взять книгу, она сказала мне об этом. Я слышала шум — такой, глухой удар. Выбежала в холл и увидела ее внизу. Она лежала на полу, и крови не было, только вот здесь, на затылке, шишка. Я подумала, что она просто упала, что ничего страшного. Я вызвала скорую. Она еще дышала».

Протокол допроса отца. «Я был на совещании. Мне позвонили. Я приехал сразу. Врачи сказали, что шансов мало. Она так и не очнулась. Я не видел, как это случилось. Я ничего не знаю».

Протокол допроса соседей. «Семья тихая, непьющая. Дети ухоженные. Мать хорошая, заботливая. Мы ничего не слышали, только сирену скорой».

Заключение следствия: несчастный случай. Отсутствие перил, скользкие ступени после влажной уборки — мать мыла полы утром. Дело закрыто. Артур закрыл папку. Он знал, что протоколы врут. Не всегда, но часто. Они фиксировали факты, но не мотивы. Они говорили «что», но не «почему». А для Комитета «почему» было единственным, что имело значение.

Анонимный заказ на просмотр этого события означал только одно: кто-то не верил заключению. И этот кто-то имел право заказать сеанс — то есть был связан с объектом. Мать? Отец? Брат, которому теперь восемнадцать и который хочет знать, что случилось в доме, когда ему было три? Или кто-то еще — дядя, тетя, бабушка, накопившая денег и подозрений за пятнадцать лет?

Артур встал и подошел к панели управления. Машина ждала. Ее серый экран был как закрытый глаз. Он провел рукой по прохладному металлу и подумал о том, что через два дня, в субботу, проведет сеанс, за которым никто не придет смотреть. Анонимный заказчик имел право не присутствовать лично — это допускалось правилами. Оператор проводил сеанс, записывал данные и передавал в виде отчета. Заказчик получал ответы на свои вопросы, не видя самого события.

Это было хуже всего. Когда клиент сидит в кресле, Артур хотя бы видит его лицо, его реакцию, может прервать сеанс, если становится слишком тяжело. Но когда сеанс идет в пустую комнату, когда никто не дышит за спиной, не вскрикивает, не плачет, — тогда машина становится просто машиной. Холодной, бесстрастной, как микроскоп или скальпель. И Артур остается один на один с чужой болью, не имея возможности ни разделить ее, ни остановить.

Он выключил свет в операторской и вышел в коридор. Линолеум блестел под лампами, пахло дезинфекцией — уборщица только что прошла с ведром. Артур спустился на первый этаж, в буфет. Маленькая комната с пластиковыми столами и автоматом, который наливал кофе в бумажные стаканчики. Кофе был плохим, но горячим. Артур взял двойной, без сахара, и сел за угловой столик.

В буфете было пусто. Только женщина за стойкой — пожилая, в синем фартуке — протирала прилавок тряпкой. Артурпил кофе и смотрел в стену, где висела репродукция Шишкина — сосны, медведи, утро. Он видел эту картину каждый день десять лет и каждый раз думал, что медведи выглядят слишком счастливыми для зверей, живущих в лесу, полном охотников.

— Мистер Коул, — раздался голос за спиной.

Артур обернулся. Рядом стоял высокий человек в темном костюме, белой рубашке и галстуке цвета мокрого асфальта. Гладко выбритое лицо, аккуратная стрижка, очки в тонкой золотой оправе. Ему было около пятидесяти, может, чуть меньше. Он держал в руке кожаный портфель, старый, но дорогой, и смотрел на Артура с той особой вежливой настойчивостью, какая бывает у людей, привыкших получать ответы на свои вопросы.

— Директор Марш, — сказал Артур. — Не ожидал увидеть вас в буфете.

— Я искал вас, — Марш сел напротив, поставил портфель на пол, аккуратно прислонив к ножке стула. — Хотел поговорить до вашего ухода.

— О чем?

— О заказе на субботу. Анонимном.

Артур сделал глоток кофе. Кофе был горьким, но это было кстати.

— Что с ним?

— Вы запросили материалы в архиве. Это стандартная процедура?

— Это проявление осторожности. Анонимные заказы требуют дополнительной проверки. Так написано в регламенте.

— Регламент не требует от оператора изучать уголовное дело пятнадцатилетней давности, — Марш говорил спокойно, но его глаза за стеклами очков были внимательными, как прицелы. — Регламент требует провести сеанс и предоставить отчет. Ни больше, ни меньше.

Артур поставил стаканчик на стол.

— Почему этот заказ вас беспокоит?

— Потому что он особый. Вы это знаете. Я это знаю. Заказчик — лицо, имеющее отношение к делу, но не желающее раскрывать себя. Событие — смерть ребенка. Оплата тройная. Это не рядовой случай.

— Рядовых случаев здесь не бывает, — сказал Артур.

— И все же этот — другой. Я хочу, чтобы вы провели сеанс максимально чисто. Никакой самодеятельности. Никаких отступлений от протокола. Вы включаете машину, наблюдаете, фиксируете, передаете отчет. Все.

— Я всегда так делаю.

— Не всегда, — Марш чуть улыбнулся, и улыбка эта была как лезвие. — Я читал ваши записи, Артур. Вы слишком вовлечены. Вы думаете о клиентах после сеанса. Вы записываете свои мысли. Это похвально для человека, но рискованно для оператора. Комитет — не благотворительная организация. Мы предоставляем услугу. Услугу, за которую платят деньги. Мы не судьи, не психотерапевты, не священники. Мы — техники.

— Техник, который не думает, опасен, — ответил Артур.

— Техник, который слишком много думает, опасен вдвойне, — парировал Марш. — Особенно для себя.

Он встал, взял портфель и поправил очки.

— Проведите сеанс чисто, Артур. Суббота, полдень. Я лично прослежу, чтобы вас никто не беспокоил. Отчет — ко мне на стол. И пожалуйста, — он сделал паузу, — не ищите заказчика. Это не ваша работа.

Марш ушел. Его шаги стихли в коридоре. Артур остался сидеть за столом, глядя на репродукцию Шишкина. Медведи были все так же счастливы.

Вечером Артур не пошел домой сразу. Он спустился к реке. Набережная была пуста, горели фонари, их свет дробился в черной воде. Пахло сыростью и водорослями. Артур сел на скамейку и смотрел, как течет вода.

Он думал о Маргарет Холт. О том, как она складывала свитер уголок к уголку, а за стеной ее сын вставал на цыпочки, чтобы бросить самолетик. Он думал о мужчине, который двадцать лет не мог вспомнить лицо мальчика с веснушками. Он думал о девочке по имени Анна, которая поднялась наверх, чтобы взять книгу, и больше не спустилась.

И еще он думал о том, что Марш прав. Он слишком вовлечен. Но по-другому не получалось. Когда проводишь десять лет, глядя в чужие темные комнаты, невозможно не думать о том, кто зажег там свет и кто его погасил.

Река текла медленно. Где-то вдали гудел катер. Артур встал, поднял воротник плаща и пошел домой.

В субботу в полдень он войдет в операторскую, вставит карту в прорезь и увидит, что случилось на улице Вязов 3 июня пятнадцать лет назад. И никто не будет сидеть в кресле за его спиной. Только он, машина и правда.

Правда, которую кто-то очень хочет знать.

И кто-то очень хочет скрыть.

Он поднялся в квартиру, разделся, лег в постель и долго смотрел в потолок, где тени от ветвей за окном качались, как пальцы, перебиравшие невидимые струны.

Сон пришел под утро — тяжелый, без сновидений.

Суббота, полдень

Суббота началась без солнца. Небо над городом было плоским и белесым, как старая простыня, которую слишком долго кипятили. Артур проснулся от тишины — той особенной тишины выходного дня, когда за окном не гудит транспорт, не хлопают двери, не кричат дворники. Только ветер шуршит в карнизе, да где-то далеко лает собака.

Он лежал неподвижно, глядя в потолок. Мысль о предстоящем сеансе пришла сразу, как только он открыл глаза, и уже не уходила. Она лежала в груди тяжелым камнем, который не сдвинуть и не обойти. Анонимный заказ. Улица Вязов, 12. Девочка восьми лет. Падение с лестницы. Никто не придет смотреть. Только он и машина.

Артур встал, умылся холодной водой. Посмотрел на себя в зеркало. Лицо было серым, как небо за окном. Мешки под глазами стали глубже за последние дни — он заметил это с тем же равнодушием, с каким замечают пыль на дальней полке. Когда-нибудь надо убрать. Когда-нибудь.

Он сварил кофе в медной турке — старой, помятой, купленной в Стамбуле лет пятнадцать назад во время единственного отпуска, который он себе позволил. Турка была единственной вещью в квартире, связанной с путешествием. Все остальное было куплено здесь, в городе, без радости и без сожалений. Кофе поднялся шапкой, густой и ароматный. Артур выпил его стоя, глядя в окно на серый двор.

До полудня оставалось три часа. Он мог бы почитать газету, разобрать почту, позвонить сестре — она жила в другом городе и звонила раз в месяц, спрашивала, как дела, и он всегда отвечал «нормально», потому что объяснять было слишком долго, а понимать было некому. Но вместо этого он сел за стол и снова открыл папку с делом Соболевых.

Он перечитал протоколы. Мать: «Я была на кухне, готовила ужин». Отец: «Я был на совещании». Соседи: «Мы ничего не слышали». Следователь: «Несчастный случай». Все гладко, как полированный камень. Но под камнем всегда что-то есть. Артур знал это лучше других.

Он достал блокнот и записал: «Елена Соболева, 34 года, домохозяйка. Муж на работе. Двое детей. Лестница без перил слева. Ступени скользкие после уборки. Девочка пошла наверх за книгой. Что за книга? Кто-нибудь спросил? Почему она пошла именно в этот момент? Что происходило в доме за час до падения?»

Вопросы. Всегда вопросы. Машина даст ответы, но ответы — это не правда. Правда — это то, что остается, когда ответы перестают устраивать.

Он закрыл папку, оделся и вышел из дома. До Комитета было двадцать минут пешком, но сегодня он шел медленнее обычного. Город в субботу был другим — тихим, полупустым, с ленивыми прохожими и закрытыми ставнями магазинов. Артур проходил мимо витрин, где манекены замерли в неестественных позах, и думал о том, что манекены счастливее людей. Им не нужно знать, почему они стоят именно так.

У дверей Комитета его встретил охранник — тот же, что всегда, с лицом отставного военного и седыми усами. Он кивнул, но сегодня в его взгляде было что-то еще — любопытство или настороженность, Артур не разобрал.

— Субботний сеанс, — сказал охранник. — Редко такое бывает.

— Бывает, — ответил Артур.

— Директор Марш уже здесь. Сказал, чтобы вы сразу поднимались.

Артур кивнул и прошел внутрь. Коридоры Комитета были пусты, лампы гудели, линолеум блестел. Выходной день ощущался в здании почти физически — как отсутствие дыхания в комнате, где только что были люди. Артур поднялся на третий этаж, прошел к своей операторской и остановился у двери. Рядом с номером «семь» висела новая табличка: «Сеанс по расписанию. Не беспокоить». Такую вешали только для особых заказов.

Он вошел. В операторской было прохладно, кондиционер работал на малой мощности. Машина ждала — серая панель, темный экран, мерцающий индикатор готовности. Артур снял плащ, повесил на крючок, надел белый халат. Потом сел за стол и проверил параметры. Все было в норме.

В дверь постучали. Не условный стук — просто два коротких удара костяшками.
— Войдите.

Вошел Марш. Сегодня он был без пиджака, в одной рубашке с закатанными рукавами, что делало его почти человеческим. Но глаза оставались теми же — внимательными, острыми, ничего не упускающими.

— Готовы? — спросил он.

— Как всегда.

— Я распорядился, чтобы вас не беспокоили. Телефон отключен, доступ в коридор перекрыт. Сеанс продлится столько, сколько потребуется. Заказ оплачен полностью. Отчет — мне на стол, но это может подождать до понедельника.

— Хорошо.

Марш помедлил, будто хотел сказать что-то еще. Потом передумал, кивнул и вышел. Его шаги стихли в коридоре. Артур остался один.

Он сел за панель управления. Вставил идентификационную карту в прорезь. Машина тихо загудела, экран осветился серым. Артур ввел параметры — дата, время, координаты. Улица Вязов, 12. 3 июня. 15:45-16:45 — час, оплаченный заказчиком. Объект в фокусе — Анна Соболева, 8 лет. Периферийное событие — падение с лестницы.

На экране появилась надпись: «ПОДТВЕРДИТЕ АКТИВАЦИЮ». Артур нажал клавишу. Машина ожила.

Сначала был свет. Летний, желтый, льющийся сквозь листву старой яблони во дворе. Дом на улице Вязов был небольшим, деревянным, с резными наличниками и крыльцом в три ступеньки. Двор заросший, но ухоженный — видно, что кто-то подстригал кусты и подметал дорожку. Детский велосипед лежал на боку у забора. Пластмассовый грузовик стоял в песочнице. Жизнь здесь была. Машина показала дом изнутри. Артур увидел кухню — светлую, с желтыми занавесками и старым холодильником, на котором магнитами были прикреплены детские рисунки. За столом сидела Елена Соболева. Ей было тридцать четыре на момент съемки, но выглядела она старше — не лицом, лицо было молодым, красивым даже, с правильными чертами и светлыми волосами, убранными в хвост. Старой ее делала поза — ссутуленные плечи, опущенная голова, руки, безвольно лежащие на коленях. Так сидят люди, которые устали не физически, а как-то иначе — глубоко, непоправимо.

На столе перед ней стояла чашка с остывшим чаем. Она смотрела в нее уже несколько минут, не двигаясь. Потом вздохнула, встала и подошла к окну. Во дворе ничего не было, только яблоня качала ветвями.

В гостиной играл младший, Павлик. Ему было три года — возраст, когда мир состоит из ярких пятен и громких звуков. Он катал по полу деревянный паровозик и гудел, изображая поезд. Иногда он оглядывался на кухню, проверяя, видит ли мама, но мама стояла спиной.

Анна была наверху. Машина показала второй этаж — маленький коридор, две двери. Одна — в спальню родителей, другая — в детскую. Дверь в детскую была открыта. Анна сидела на полу, скрестив ноги, и читала книгу. Крупный план позволил разглядеть обложку — «Сказки Андерсена», старое издание в синем переплете с золотым тиснением. Девочка была худенькой, светловолосой, с двумя косичками, перевязанными белыми резинками. Она водила пальцем по строчкам и шевелила губами — училась читать.

Артур смотрел на нее и чувствовал знакомую тяжесть в груди. Он всегда чувствовал это, когда в кадре были дети. Они не знали, что за ними наблюдают. Они жили своей жизнью —

читали, играли, смеялись, падали. И то, что они не знали, делало наблюдение еще тяжелее. Как будто ты подсматриваешь за чем-то священным, не имея на это права.

Время шло. 15:52. Ничего не происходило. Елена на кухне наливала себе еще чаю. Павлик переключился с паровозика на кубики, строил башню. Анна перелистывала страницу за страницей.

15:58. Анна закрыла книгу и встала. Она подошла к двери и крикнула вниз:

— Мама, я дочитала! Там Русалочка превратилась в пену морскую. Это грустно.

Елена не ответила. Анна крикнула еще раз:

— Мама!

— Я слышу, — голос Елены был глухим, без выражения. — Хорошо, Аня. Поставь книгу на место.

Анна вернулась в комнату, поставила книгу на полку. Потом подошла к окну и посмотрела во двор. Там ничего не менялось.

16:03. Елена на кухне достала из ящика нож и начала резать овощи. Лук. Она резала лук и плакала — но это был лук, а не что-то другое. Или что-то другое тоже.

16:07. Павлик разрушил башню и громко засмеялся. Анна вышла из детской в коридор. Она остановилась у лестницы. Лестница была крутой, с узкими ступенями, покрытыми старым ковром. Справа — перила, деревянные, потемневшие от времени. Слева — стена. Анна посмотрела вниз, в холл. Там было темно.

— Мам! — крикнула она. — А можно мне во двор?

— Позже, — донеслось с кухни. Анна постояла еще немного. Потом сделала шаг к лестнице.

16:09. Артур увидел то, что система фиксировала автоматически, но он не сразу обратил внимание. На верхней площадке, у самого края лестницы, ковер был загнут. Маленькая складка, почти незаметная. Но достаточная, чтобы детская нога зацепилась.

Анна поставила ногу на первую ступеньку. Потом на вторую. Она спускалась медленно, держась за перила правой рукой. Левая сторона была открыта — там не было опоры. Она сделала третий шаг, и ее левая нога попала на загнутый край ковра. Ступня скользнула. Анна вскрикнула — коротко, испуганно, — и попыталась ухватиться за перила сильнее. Но правая рука соскользнула. Тело потеряло равновесие.

Артур заставил себя смотреть.

Девочка упала на бок, ударилась плечом о ступеньку, перевернулась — раз, другой — и покатила вниз. Ее голова билась о деревянные края, и каждый удар звучал глухо, сухо, как будто били палкой по мешку с песком. Четыре секунды. Пять. Шесть. Тело замерло внизу, у подножия лестницы, в неестественной позе — рука подвернута, голова запрокинута, глаза закрыты.

Тишина прошлого была оглушительной.

На кухне Елена резала лук. Прошло восемь секунд. Десять. Пятнадцать. Она вытерла руки полотенцем и медленно, очень медленно вышла в коридор.

Артур смотрел на ее лицо. Оно не изменилось. Она увидела дочь на полу, у лестницы. Увидела подвернутую руку, темнеющую на затылке шишку, разметавшиеся косички. И ее лицо осталось таким же — пустым, усталым, как было на кухне. Она не закричала. Она не побежала. Она подошла. Медленно. Шаг. Еще шаг. Остановилась над телом дочери и посмотрела вниз.

— Аня, — сказала она. Тихим голосом. Будто будила от дневного сна. — Аня, вставай.

Анна не двигалась.

Елена наклонилась, дотронулась до плеча дочери. Потом до лица. Проверила дыхание. Дыхание было.

Тогда она сделала странную вещь. Она села на нижнюю ступеньку лестницы — рядом с лежащим телом дочери, — положила руки на колени и стала ждать.

Артур нажал на увеличение. Часы на стене в холле показывали 16:11. Елена сидела и смотрела перед собой. Ее лицо было неподвижно, глаза сухи. Она не звала на помощь. Не бежала к телефону. Не кричала соседям. Она просто сидела.

В 16:14 Павлик вышел из гостиной в холл. Он увидел сестру на полу и мать, сидящую на ступеньке. Его лицо сморщилось, он захныкал:

— Мама, Аня упала?

— Иди в комнату, Паша, — сказала Елена. Голос был ровным, как линия на кардиограмме мертвеца.

— Аня спит?

— Иди в комнату. Я вызову врача.

Она встала. В 16:17 — шесть минут после падения — она подошла к телефону в коридоре и набрала скорую. Голосом, лишенным эмоций, продиктовала адрес. «Девочка упала с лестницы. Без сознания. Дышит». Повесила трубку. Вернулась к дочери и снова села на ступеньку. Ждать.

Скорая приехала через двадцать минут. Все это время Елена сидела, вставала только чтобы отогнать Павлика обратно в гостиную. Она не пыталась остановить кровь, которая сочилась из уха дочери. Не пыталась привести ее в чувство. Не держала за руку. Просто сидела и ждала.

Когда врачи вошли, она поднялась и сказала тем же ровным голосом: «Она упала. Я была на кухне. Я ничего не слышала».

Сеанс закончился. Экран погас. Артур сидел в тишине операторской и чувствовал, как в висках стучит кровь. Он видел много смертей — быстрых и медленных, случайных и неизбежных. Но это было другое. Это было убийство бездействием. Мать, которая не толкала свою дочь с лестницы. Но и не спасла ее. Которая сидела и смотрела, как девочка умирает.

Артур встал и подошел к окну. Матовое стекло. Серые тени. Ничего.

Он попытался понять. Елена Соболева — уставшая женщина, возможно, в депрессии. Муж на работе. Двое детей. Бытовые проблемы. Но достаточно ли этого, чтобы сидеть и смотреть, как твой ребенок истекает кровью на полу? Достаточно ли усталости, чтобы убить материнский инстинкт? Или было что-то еще?

Он вернулся к панели и перемотал запись. 15:45 — начало сеанса. Елена на кухне. Что она делала до того, как села за стол с чашкой чая? Машина показала: она стояла у окна и смотрела на яблоню. Потом подошла к шкафу, достала бутылку. Коньяк. Дешевый, в плоской бутылке. Налила в чай. Выпила. Налила еще.

Артур проверил протокол допроса. «Принимали ли вы алкоголь или лекарственные препараты в день происшествия?» Ответ: «Нет». Ложь.

В 15:50 Елена выпила еще. Потом еще. К 16:00, когда Анна позвала ее, она была пьяна — не сильно, но достаточно, чтобы реакция замедлилась, чтобы эмоции притупились, чтобы мир стал чуть дальше, чем обычно. Когда дочь упала, она была в состоянии, которое не позволяло ей ни испугаться, ни помочь, ни почувствовать.

Но даже пьяный человек может позвать на помощь. Может подбежать к упавшему ребенку. Может кричать, плакать, делать что угодно. Елена не делала ничего. Она сидела и ждала. И это «ждала» было страшнее всего.

Артур остановил запись. Он должен был написать отчет. Сухие факты. «В результате сеанса установлено: пострадавшая Анна Соболева упала с лестницы в результате несчастного случая — скользкий ковер, отсутствие перил с левой стороны. Мать пострадавшей, Елена Соболева, находилась в состоянии алкогольного опьянения легкой степени и не оказала своевременной помощи. Время между падением и вызовом скорой составило 6 минут». Это правда. Голая, объективная правда.

Но была и другая правда. Та, которую Артур не мог записать в отчет, но не мог и забыть. Правда о женщине, которая сидела на ступеньке рядом с умирающей дочерью и смотрела в стену, как будто ждала, что все решится само. Которая не плакала. Которая не держала дочь за руку. Которая сказала врачам: «Я ничего не слышала».

Он закрыл папку и потер глаза. Они горели, как после долгой работы с песком. В операторской было тихо и холодно. Где-то внизу, на первом этаже, охранник пил чай и читал газету. Марш ждал отчета. Город жил своей субботней жизнью. А в прошлом, которое только что развернулось перед Артуром на сером экране, восьмилетняя девочка с косичками и книгой Андерсена лежала на больничной койке и умирала два дня, не приходя в сознание.

Артур подумал об анонимном заказчике. Кто он? Отец, который подозревал жену и хочет знать правду? Брат, который вырос и помнит только сирену скорой? Сама Елена Соболева, которая хочет убедиться, что не толкала дочь — а вместо этого узнает, что могла спасти ее и не спасла?

Он не должен был гадать. Он должен был передать отчет. Но он знал: отчет ляжет на стол заказчику, и тот прочитает черным по белому то, что скрыто за сухими формулировками. «Неоказание своевременной помощи». Шесть минут, которые стоили жизни.

Артур встал, выключил машину. Экран погас. В комнате стало совсем тихо. Он снял халат и повесил на крючок. Потом сел за стол, открыл блокнот и записал:

«Суббота. Сеанс 1743-В. Анна Соболева. Несчастный случай. Мать пьяна. Шесть минут до звонка в скорую. Сидела рядом и ждала. Не плакала.

Вопрос: что страшнее — убить или дать умереть?

Ответа нет».

В понедельник утром Артур пришел в Комитет раньше обычного. Он поднялся на третий этаж, но не доходя до своей операторской, свернул в крыло администрации. Там был кабинет Марша — такой же серый и безликий, как все в этом здании, но с дубовой дверью и табличкой «Директор».

Артур постучал. Марш открыл сам — он был один, без пиджака, но в галстуке, туго затянутом у горла.

— Отчет, — сказал Артур, протягивая папку.

Марш взял ее, не глядя, и положил на край стола.

— Заходите.

Артур вошел. Кабинет был просторным, с большим окном — настоящим, не матовым, выходящим во внутренний двор. На стене висела карта города, утыканная цветными флажками. Артур знал, что каждый флажок — это адрес, по которому был проведен сеанс. Флажков было много. Сотни. Тысячи.

— Как прошел сеанс? — спросил Марш, садясь в кресло.

— Чисто. Как вы и просили.

— Что-нибудь необычное?

Артур помолчал. Потом сказал:

— Мать была пьяна. Она не толкала дочь. Но и не спасла. Ждала шесть минут, прежде чем позвонить в скорую.

Марш кивнул, будто ожидал услышать именно это.

— Это все?

— В протоколе допроса она сказала, что не пила. Это ложь.

— Это не наше дело, Артур.

— А что наше дело? — голос Артура прозвучал резче, чем он хотел.

Марш посмотрел на него долгим взглядом. Потом снял очки и начал протирать их платком.

— Наше дело — предоставить информацию. Точную, объективную, документально подтвержденную. Мы не суд. Мы не прокуратура. Мы не психотерапевты. Мы — зеркало. Зеркало показывает то, что есть. Оно не объясняет, не судит, не исправляет. Если заказчик спросит, что вы увидели, вы скажете. Если не спросит — не скажете. Таков протокол.

— А если заказчик — сама Елена Соболева? Если она заплатила, чтобы узнать, не толкала ли она дочь, а узнает, что своими руками могла ее спасти и не стала?

Марш надел очки. Его лицо было спокойным, но пальцы чуть заметно дрожали, когда он поправлял дужку.

— Тогда она получит то, за чем пришла. Правду. Мы не торгуем ложью, Артур. Этим и отличается Комитет от всего остального мира. Мир врёт. Мы — нет. Да, правда убивает. Иногда — буквально. Но это не наша ответственность. Наша ответственность — точность записи, стабильность поля и сохранность данных. Все остальное — выбор клиента.

— Красиво звучит, — сказал Артур.

— Это работа такая, — ответил Марш. — Вы думаете, мне нравится? Думаете, я сплю спокойно, зная, что в этом здании каждый день люди узнают то, что разбивает их жизни? Я не сплю. У меня бессонница с тех пор, как я занял этот кабинет. Но это выбор. Мы подписали контракт. Вы — свой. Я — свой. Мы знали, на что шли.

Артур промолчал.

— Идите домой, — сказал Марш. — У вас был тяжелый сеанс. Возьмите выходной. Я распорядюсь, чтобы ваши заказы на завтра передали Симмонсу.

— Я не болен.

— Я знаю. Но вам нужно отдохнуть. И, Артур... — Марш задержал его взгляд. — Не ищите заказчика. Это приказ.

Артур вышел из кабинета и медленно пошел по коридору. Приказ. Смешно. Он десять лет выполнял приказы. Вставлял карту, вводил параметры, запускал сеанс. Он видел, как умирали дети, как предавали мужья, как прощались навсегда те, кто не знал, что это навсегда. И ни разу не нарушил протокол. Но сейчас что-то сдвинулось. Та женщина на ступеньке. Пустое лицо. Руки на коленях. Шесть минут.

Он спустился в буфет. Взял двойной кофе. Сел за угловой столик. На стене все так же висел Шишкин, и медведи были счастливы.

Кто-то тронул его за плечо. Артур обернулся. Женщина. Молодая, может, тридцать, в строгом костюме и с планшетом в руках. Он ее знал — она работала в отделе приема заказов, оформляла документы, встречала клиентов. Иногда они сталкивались в коридорах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.